

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

ИРИНА ТРЕТЬЯКОВА

Ирина Александровна Третьякова — кандидат философских наук, доцент, Центр социальных и гуманитарных знаний (кафедра философии), Университет информационных технологий механики и оптики (ИТМО), Санкт-Петербург, Россия

E-mail: tretyakova-ia@mail.ru

Вадим Викторович Прозерский — это выдающийся ученый, философ-эстетик, известный профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Автор статьи — бывшая аспирантка В.Прозерского — делится воспоминаниями о нем, как о блестящем исследователе, яркой, творческой личности.

Ключевые слова: Исследования в эстетике, глубокий ученый и наставник, творческое общение в науке, общественной жизни, моральная ответственность ученого

IN BLESSED MEMORY OF THE TEACHER

Irena Tretyakova

PhD, docent, Centre of Social and Humanitarian Knowledges, University of Information Technology, Mechanics and Optics (ITMO), St. Petersburg, Russia

E-mail: tretyakova-ia@mail.ru

Vadim Prozerskiy — prominent researcher, philosopher, aesthetic, well-known professor of St. Petersburg State University. The author of the article —

former post-graduate of V. Prozerskiy — shares her reminiscences on brilliant scientist, remarkable creative person.

Key words: Researching in aesthetics, profound philosopher and teacher, fruitful communication in science and social life, moral responsibility of scientist

Вадим Викторович Прозерский как-то сказал: учеников не выбирают, они подобны детям, каких послала судьба, все равно их надо растить. Нас (аспирантов) у него было много. К нему стремились попасть и, когда он стал известным и почитаемым мэтром, и, когда он, совсем молодой преподаватель, увлеченно объяснял на лекциях тенденции в англо-американской эстетике.

Аспирантов у него было гораздо больше, чем было указано в официальных документах. Согласно правилам, быть научным руководителем мог только доктор наук, профессор. Прозерский тогда не был доктором, однако именно он скрывался за фамилиями официально объявленных руководителей, самоотверженно работая с аспирантами кафедры, ведя их к защите, получая только моральное вознаграждение. Целая плеяда молодых ученых была воспитана на идеях В. В. Прозерского, создана научная школа, хотя ее создатель оставался в тени.

Наш Учитель умел направить мысль своего ученика, тонко чувствуя особенности характера, личные устремления. Он прекрасно понимал, что каждый философ — это особый мир, поэтому не навязывал свои научные пристрастия и вкусы, одновременно давая ученику простор для самостоятельного развития.

Мы росли во времена цензуры, единственным способом участвовать в мировом научном процессе было владение иностранными языками и чтение зарубежной литературы. Вадим Викторович свободно владел английским языком, был одним из ведущих специалистов по англо-американской философии. Во многом благодаря его переводам и критическим исследованиям наша гуманитарная наука не оказалась в вакууме. Наше научное сообщество видело реальную картину западной философии и эстетики, а не декорированную под идеологические штампы.

Вадим Викторович, с его широким кругозором и блестящей эрудицией, не давал утонуть в море литературы, ставил ориентиры, исходя из сверхзадачи исследования. Сам, обладая критическим мышлением, заставлял видеть за содержанием смыслы, учил переосмыслять полученную информацию.

Наше сознание было готово к идеологической трансформации. Мы хотели читать, несмотря на все препоны, стремились найти желанную запретную книгу. Сейчас странно слушать «горестные» воспоминания о том, что кому-то что-то не удалось прочитать. Героизируя личное прошлое, люди просто не желают признаваться в своей пассивности. В позднесоветское время при желании можно было найти и прочитать все. Последовавшая затем полная доступность информации сопровождалась исчезновением интереса, равнодушием к фундаментальным исследованиям.

Найти и прочитать необходимый источник было делом чести. Книги и журналы выписывали по межбиблиотечному абонементу. Иногда посылка прибывала из Лондона или Нью-Йорка (такое тоже было возможно). О прочитанном спешили рассказать Вадиму Викторовичу, научному руководителю, услышать его мнение, поделиться своими мыслями. Найденный в западной литературе материал с гордостью воспроизводили на семинарах и конференциях, цитировали в дипломах и диссертациях, не встречая никакого противодействия со стороны официальной идеологии.

Публичная библиотека (сейчас Национальная библиотека на площади Островского) была чем-то вроде клуба. Здесь могли встретиться коллеги и однокурсники, аспиранты и научные руководители, профессора и начинающие ассистенты — царило равенство в храме науки. Без помощи интернета мы были в курсе новостей, обменивались суждениями, имели живой тренинг дискуссии. Эта интеллектуальная среда, открытый живой обмен информацией («взаимоопыление», как иногда шутливо говорили) становилась плодотворной почвой для роста и развития молодых ученых.

Прозерский нацеливал своих учеников на конечный результат. Часто мы слышали от него: постарайся встать над материалом, не бойся проявить самостоятельность. В огромном

наследии истории эстетики и в целом истории философии, которую он знал безупречно, Вадим Викторович раскрывал глубинную тенденцию, умел расшифровать код культуры, спрятанный в данной философской школе.

В ранних работах Прозерскому удалось раскрыть противоречивую связь такого неоднозначного философского течения как позитивизм с процессами в искусстве, дать критическую оценку использования позитивистских методов в эстетике и художественной критике.

Не одно поколение философов-эстетиков будут изучать такие утонченные явления в истории гуманитарной мысли как русский символизм, семиотические школы XX века, проблемы дизайна, опираясь на глубокие исследования В. В. Прозерского. Творческий пафос Вадима Викторовича оказывал магнетическое действие на учеников и сторонних слушателей. Часто к нему за консультацией приходили аспиранты других специальностей, из других гуманитарных ВУЗов и факультетов. Можно быть уверенным, что его идеи становились фундаментом будущих научных направлений или нового оригинального взгляда на традиционные проблемы. Как настоящий ученый, Вадим Викторович стремился к поиску Истины, не заботясь о закреплении своего авторства.

Многострадальная история русской культуры нашла сочувственное отражение в его докладах и статьях. Прозерский никогда не был равнодушным мыслителем, высокомерно вззирающим на страдания людей, холодно анализируя причины и следствия общественных движений. Прозерский принадлежал к тому типу российских интеллектуалов, о которых говорили «осердеченный ум». Трагические повороты нашей истории в XX веке вызывали у него сочувственный отклик. Он писал и говорил о них не только как объективный исследователь, но с болью в душе.

Известное выражение: «мораль — автономия человеческого духа», мы слышали от Прозерского в контексте нарастающей ответственности человека за будущее культуры, за судьбы человечества. В последнее десятилетие осмысление моральной ответственности с особой силой стало звучать в его работах, посвященных экологии. Концепция экологи-

ческой эстетики разрабатывалась в последние годы творческого пути В. В. Прозерского.

Как истинный эстетик Вадим Викторович тонко чувствовал искусство. К его суждениям прислушивались профессиональные художники. Большой радостью и удачей было для нас, студентов и аспирантов, оказаться на выставке в обществе Прозерского или узнать его мнение о нашумевшей книге. Это всегда были остроумные, часто парадоксальные замечания, он никогда не ограничивался общепринятыми суждениями.

Согласно правилам того времени преподаватели в качестве общественного поручения направлялись в театры или в другие художественные коллективы для чтения лекций и ведения воспитательной работы. Сейчас бы эту деятельность назвали — развитие навыков *softskills*. Такая работа могла иметь характер идеологического нажима, но в руках талантливого профессионала и честного человека это общение оказывалось для людей искусства ценнейшим источником философских и общекультурных знаний, расширяло горизонт творческих поисков. Такими были занятия Вадима Викторовича в Александринском театре, в Театре им. Ленинского комсомола (сейчас, Балтийский Дом). Артисты этих театров сохранили теплую и благодарную память о преподавателе, который хорошо понимал специфику их труда, был мудрым наставником, давал объяснение современным непростым общественным процессам.

У профессора В. В. Прозерского всегда было отменное чувство юмора. Обыгрывая сложный теоретический вопрос, он находил интересное сравнение, забавную аналогию. Именно он переиграл известную формулу Декарта "*Cogito ergo sum*", применив ее к современности: "*Consume ergo sum*" то есть «потребляю, значит, существую». Одна эта остроумная формула служит критике общества потребления больше, чем десяток монографий на эту тему. На кафедральных семинарах, на защитах, при обсуждении сложных вопросов его остроумное замечание всегда смягчало напряжение, примиряло спорящих, подсказывало компромисс. Его выражение «смех — это социальный клей» стала для многих средством дипломатического разрешения научных и жизненных конфликтов.

Нам очень повезло в жизни, что мы учились у Вадима Викторовича Прозерского. Свет его творчества и личности всегда будет озарять наш путь.

Спасибо, дорогой Учитель.